

2018 г.

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
11 класс

Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста.

Ю.Яковлев

Баваклава

Юный Шаров сидел в кресле, вытянув ноги в серых брюках с пузырями на коленях. Он вобрал голову в плечи, подбородком же уперся в грудь. Рыжеватые, давно не стриженные волосы налезали на глаза, рот был полуоткрыт, уши горели. Руками он вцепился в подлокотники кресла, да так сильно, что кончики пальцев побелели. Глядя на него, можно было подумать, что кто-то жестко отсчитывает: «Пять, четыре, три...» - и когда произнесет «один», раздастся грохот и кресло вместе с мальчиком взлетит ввысь, оставляя в небе огненный след.

На самом деле никакой полет не предстоял - мальчик сидел перед телевизором и смотрел хоккей. Как все неповоротливые, мешковатые люди, он любил наблюдать за ловкостью и проворством других.

И хотя в мире не существует переселения душ, душа юного Шарова покинула полное, облеченное в поношенную школьную форму тело и перенеслась в могучий торс нападающего «Крылышек». Ах, юный Шаров, никто не знал, что здесь, в кресле, осталась только твоя оболочка в брюках с пузырями на коленках. Сам же ты перенесся в таинственное Зазеркалье телевизора и летишь, звеня коньками, по льду. Шайба приросла к клюшке. Обошел одного игрока, второго.

Сделал обманное движение. Защитник кинулся тебе под ноги - напрасно! Резкий рывок в сторону - и ты один на один с вратарем.

Сердце похолодело от радостного напряжения. Вратарь замер в воротах, как огромный краб с поднятыми клешнями. Мгновение - в это мгновение юный Шаров вообще перестал дышать - и удар! Не очень сильный, вполне легкий, но коварный: вратарь кинулся влево, шайба, кружась волчком, вкатилась в правый незащищенный угол ворот.

- Ура! - уже не на ледяном поле, а дома закричал юный Шаров и с треском отодвинул кресло.

Дверь отворилась. Отец, бледный, осунувшийся, глухим голосом сказал:

- Имей совесть!

И, не дожидаясь ответа, затворил дверь.

Юный Шаров нехотя вернулся из Зазеркалья в комнату. Что-то пробормотал отцу, вернее, уже закрытой двери. И принялся жевать бутерброд с колбасой, отчего его губы сразу заблестели. Невнятная тревога портила хорошее расположение духа, как гвоздь в башмаке или соринка, угодившая в глаз. На ледяном поле продолжалась спортивная баталия. Но хоккей поблек, утратил свою привлекательность. Словно сбилась настройка и на экране все происходит не в фокусе. Мальчик подошел к телевизору, вяло повернул выключатель. Раздался слабый щелчок, и все исчезло, погасло. Юный Шаров вспомнил, что умерла бабушки. Лежит рядом в комнате на узком старомодном диване с зелеными кисточками. Она рядом, и вместе с тем ее уже нет, она где-то далеко. И от этой дали на сердце возникает гнетущая тяжесть.

...Когда он вернулся из школы, пришлось долго звонить - никто не открывал. Что она, уснула? Он здорово рассердился на бабушку и уже готовился высказать ей свое недовольство, но дверь открыл отец.

- Почему ты трезвонишь? - тихо, но с укором произнес отец.

- Где Баваклава?

С раннего детства он привык так называть бабушку Клаву. Вместо «баба» «бава» и в одно слово.

- Нет ее, - отвернувшись, сказал отец.

- Ушла?

Отец ничего не ответил, зашагал прочь. А юный Шаров остался стоять посреди прихожей в шапке-ушанке, съехавшей набок, в расстегнутом пальто. Ему казалось странным и то, что не Баваклава открыла дверь, и то, что отец какой-то растерянный, безразличный...

Может быть, заболел и послал Баваклаву за лекарством?

Мальчик швырнул портфель в угол и начал стаскивать за рукав мокрое, тяжелое пальто. После уроков была возня, а он, неповоротливый и толстый, "жирный - поезд пассажирный", как всегда, споткнулся и оказался в снегу.

Юный Шаров поднялся на носочки и, сопя, повесил пальто на крючок. Потом сорвал с головы шапку, забросил ее на полку и принялся расшнуровывать ботинки. Шнурки обледенели и были жесткими, а мокрые ботинки уже успели оставить на паркете две овальные лужицы.

Где же Баваклава и почему отец дома? Юный Шаров сбросил ботинки на пол, сунул в тапочки мокрые, окоченевшие ноги и направился в комнату. Ботинки так и остались посреди прихожей, никто не поставил их сушить на батарею.

Стол не был накрыт. Юного Шарова никто не ждал к обеду.

Мальчик недовольно поморщился и направился в кухню. Плита была холодной. Желто-синие короны не дрожали над газовыми горелками.

Чайник не урчал. На сковороде не потрескивали котлеты.

Все это не понравилось мальчику. Он спешил. Они договорились с Саней Ведерниковым пойти во Дворец водного спорта, где тренер, товарищ Саниного отца, Борис Иванович обещал принять их в свою группу. Саня предупредил:

- Помойся под душем и надень чистую рубашку, врач будет осматривать.

А тут обед не готов. И неизвестно, когда еще приготовят. Вечно Баваклава не вовремя уходит. Юный Шаров во второй раз крепко рассердился на бабушку.

Некоторое время он бесцельно ходил по квартире. Посреди прихожей на полу по-прежнему стояли башмаки. Баваклавы не было. Но почему на вешалке висело ее потертое пальто с серым воротником?

Юный Шаров решительно направился в бабушкину комнату. Баваклава была дома. Она лежала на своем плюшевом диване с зелеными кисточками. Кисточек не доставало: когда Шаров еще не был юным, а был маленьким Леней, то любил отрывать кисточки от бабушкиного дивана... Баваклава лежала на спине, крепко закрыв глаза, положив руки поверх одеяла. У нее были прямые, с легкой рыжиной волосы, открытый лоб, маленький нос бугорком поднимался над лицом. На лбу и у глаз не было морщин, они только намечались, пролегали ниточками. На подбородке была впадинка.

Баваклава спала, а отец и мать безмолвно сидели рядом и терпеливо ждали ее пробуждения.

Юный Шаров потоптался на месте, потом тихо спросил:

- Заболела?

Не поднимая головы, отец ответил:

- Если б заболела! Умерла...

Потом он повернулся к сыну и резко сказал:

- Понимаешь, бабушка умерла!

Мальчик никак не отреагировал на слова отца. Слова прозвучали, но их смысл не дошел до его сознания. Он смотрел на бабушку не с жалостью, а скорее с любопытством - за всю жизнь никогда не видел бабушку спящей. Утром, когда он еще спал, бабушка была уже на ногах. Она трясла его за плечо и тихо говорила:

- Ты же опоздаешь в школу. Вставай, Леня!

- Минуточку... Еще минуточку, - сквозь сон молил юный Шаров.

Сон не отпускал его, затягивал в свои сладкие глубины. А бабушка все трясла его за плечо. И, просыпаясь, он сердился на нее, словно она была виновата в том, что надо подниматься, вставать, идти в школу...

Не знал юный Шаров и когда бабушка ложилась спать, потому что укладывался и засыпал раньше ее. Только теперь он увидел бабушку с закрытыми глазами. Гладкий лоб, нос-бугорок. Подбородок со впадинкой. Руки поверх одеяла. Все это не внушало мальчику никакой тревоги. Напротив, в облике бабушки был устойчивый покой, который передавался внуку.

Он тихо вышел из комнаты и затворил за собой дверь.

Хотя сердце бабушки уже не билось, юный Шаров продолжал думать о ней, как о живой. Горе запаздывало, задерживалось в пути.

И мальчик только смутно догадывался о его приближении. Он все еще ждал, что дверь откроется и в комнату войдет бабушка.

«Три часа, а ты еще не обедал!» - воскликнет она и заснует, засуетится, чувствуя себя виноватой за опоздание.

Привычка видеть бабушку живой, неутомимой, вечно бодрствующей была настолько сильна и неистребима, что смерть отступала перед ней. В сознании юного Шарова бабушка продолжала жить.

Он вдруг вспомнил, что голоден, и пошел на кухню. Обед же разогреть не стал, а сделал себе три толстых бутерброда с колбасой.

Два тут же съел всухомятку. С третьим вернулся в комнату. Шел мимо телевизора - щелкнул выключателем. Как раз передавали хоккей, играли его любимые «Крылышки». И через несколько минут, вовлеченный в радостный круговорот игры, юный Шаров совсем забыл о Баваклаве.

Когда же голос отца – «Имей совесть!» - вернул мальчика к действительности и он - щелк! - выключил телевизор, то вспомнил, что по пути из школы поленился зайти в аптеку и взять для бабушки глазные капли. Эти капли действовали только два дня, их нельзя было купить впрок, и в его немногочисленные обязанности входило приносить бабушке свежие капли.

От капель его отвлекла мысль о Дворце водного спорта. Надо было разыскать чистую рубашку, а он никогда не доставал белья сам и не знал, где оно лежит. То ли у мамы в шкафу, то ли в коридоре - во встроенном. Еще он забыл спросить у Сани, надо ли надеть чистые кальсончики или достаточно сменить рубашку.

Он сунулся в один шкаф, в другой. Ничего не нашел и, чтобы оттянуть время мытья, прилег на диван. Обычно в душ его загоняла Баваклава. Она мыла его сама. Даже когда он стал юным, приходила потереть спинку и помыть голову. С Баваклавой можно было и покапризничать и поплескаться. Мама же решительно совала его голову под кран. «Ой, горячо!» - «Ничего, в самый раз!» - «Ой, щиплет глаза!» - «Закрывай крепче!» - и никакого баловства и плесканий...

Юный Шаров поймал себя на том, что раньше никогда не задумывался о Баваклаве. Она всегда была рядом, всегда старалась помочь ему, услужить. Ее имя –«Баваклава» он произносил, как волшебное. «Сезам, откройся!», если что-то было нужно. Стоило сказать «Баваклава» - на столе появлялся обед, убирались брошенные посреди комнаты ботинки, гладились брюки, решалась задача. Правда, задачи решались только в младших классах, потом бабушка «отстала», и задачи, которые задавали на дом, были ей не под силу.

Она делала множество полезных, нужных для его жизни дел, освобождала его от забот. Поэтому он вспоминал о бабушке, только когда хотел есть, гулять, когда требовалась помощь или защита.

Зазвонил телефон. Юный Шаров вскочил с дивана. Поднял трубку.

Знакомый голос весело затараторил:

- Старик! Салют! Это я - Саня. Ты душ принял?

- Зачем... душ? - растерянно спросил юный Шаров.

- Забыл, что ли? Только ноги мой как следует. Там врачи проверяют. И уши мой. Могут не допустить.

- Почему... не допустить?

- Что с тобой, старик? Ты спал, что ли? Мы же идем во Дворец водного спорта. К Борису Ивановичу. Усек? Плавки нашел?

- Нашел, - механически ответил юный Шаров.

Ему казалось, что его дружок Саня Ведерников звонит из далекого беззаботного мира, где все в порядке и бабушки не засыпают среди бела дня.

- Жду тебя у входа. В четыре. Пятки три лучше! Усек?

Счастливым мир отключился.

Сегодня юный Шаров впервые думал о бабушке по-иному - без практической надобности. Почему-то вспомнил, как в раннем детстве она надевала ему под шапку платочек, чтобы мех не кололся и не задувал ветер. Когда он подрос, то стал стесняться этого платочка... И еще стал обижаться, когда говорили, что он похож на бабушку. Как это мальчик похож на бабушку?! Ведь если ребята узнают об этом - засмеют! Он смотрелся в зеркало, стараясь убедить себя, что не похож. Но у него был нос бугорком, подбородок со впадинкой, волосы рыжеватые, как у бабушки...

Вспомнил, как много лет назад он с Баваклавой ездил в автобусе в лес, и бабушка рассказывала ему про деревья:

- Зимой все деревья одинаковые. А весной проклюнутся листья, и деревья станут разными. Полеет сильный дождь. Глазастые цветы одуванчика запахнут медом и будут мазать нос желтой пылью.

Маленький Шаров испробовал цветок своим носом, а потом спросил:

- Как спят деревья?

- Стоя, - ответила бабушка, - покачиваются и спят.

Он задрал голову и увидел светло-зеленые кроны, которые покачивались и как бы плыли в голубом небе над головой.

- Они и сейчас спят, раз качаются?

Вместо ответа бабушка подвела его к осине. Ствол был гладким и зеленым, как гимнастерка солдата. Бабушка показала ему дырочку - вход в дупло - и велела прижаться к стволу ухом. И он услышал, как поет дерево. Тихо, тоненько, звонко.

- Почему оно поет? - спросил мальчик.

- В дупле живут птицы.

И тогда маленький Шаров решил: «Деревья спят стоя, а в животе у них поют птицы. Хорошо быть деревом!»

Юный Шаров вздохнул и нехотя направился в ванную, отмывать свои черные пятки.

Стоя под душем, пыхтя и роняя на пол хлопья мыльной пены, он попробовал дотянуться до спины, но руки оказались коротки. Мочалка скользила по бокам, едва касаясь лопаток, дальше же было достать невозможно, и он чуть было не крикнул по привычке: «Баваклава, потри спину!», но вовремя спохватился. В третий раз намылил живот - его удобно было мыть - и тер мочалкой до тех пор, пока живот не порозовел. Пятки же отскоблить так и не удалось, они остались темными. Потом он долго стоял под душем с закрытыми глазами и чувствовал, как теплые водяные шнурочки облегают тело.

Чистую рубашку без бабушкиной помощи найти так и не смог.

Выходя из дома, мальчик встретил соседа Ивана Рахилло. Сосед был крупным седым мужчиной, с лицом красным, словно только что помытым снегом. Когда-то сосед был военным летчиком, летал на Севере и однажды привез домой пойманного на льдине белого медвежонка Умку.

- Здравствуй, юный Шаров! - сказал сосед и поднял для приветствия руку. Это он придумал называть Лёню «юный Шаров». - Как твои успехи?

Не было сегодня у юного Шарова никаких успехов. Он пожал плечами и сказал:

- Иду во Дворец водного спорта.

- Прекрасно, - сказал бывший летчик. - Ты знаешь, где у тебя находятся почки?

Мальчик пожал плечами: не знал.

- Может быть, у тебя вовсе нет почек?

- Если полагается - есть, - неуверенно ответил он соседу.

Он думал, что сосед начнет его стыдить за незнание, но, вопреки ожиданиям, Иван Рахилло воскликнул:

- Это хорошо, что ты не знаешь, где находятся почки. Я, к сожалению, отлично знаю. Болят они у меня.

Мальчик посмотрел на соседа и обратил внимание, что налитые голубизной глаза бывшего летчика потемнели. Может быть, он все знает про Баваклаву и только для виду заговорил о почках, которые, оказывается, есть не только у деревьев, но и у людей.

Трамвай движется медленно. Никак не может увезти юного Шарова от тревожных мыслей, от дома, где в первый и последний раз уснула бабушка, Баваклава. Надо думать о другом! Надо думать о другом! Например, о Дворце водного спорта. В трамвае давка. Окна покрыла изморозь. Не видно, что там, за окнами. Может быть, трамвай не движется, а топчется на месте, крутит колеса вхолостую?

Поток выходящих людей буквально вынес мальчика на переднюю площадку. Здесь, у вагоновожатого, окна были чистыми. Трамвай двигался. Навстречу, двумя расправленными молниями, летели рельсы.

Надо думать о бассейне! Он вспомнил, как они с классом ходили сдавать нормы по плаванию. Из жаркой, заполненной паром душевой он вышел в огромный гулкий зал, где жутковато пахло хлоркой.

Холодок пронизывал тело, вызывал легкую дрожь. Вода в бассейне была голубая, будто ее подсинили. Нырнешь белым - вынырнешь синим. Совсем близко раздался оглушительный всплеск - это с высокой семиметровой вышки нырнул спортсмен. Вот бы научиться так!

И тут послышалось: «Эй, мальчик! Это я тебе говорю!» Кто-то из ребят толкнул его в бок: «Жирный, твоя очередь!» Он прыгнул с бортика, больно ударился животом и наглотался горькой воды. Но не подал виду, поплыл, высоко взмахивая руками и отворачивая голову от собственных брызг.

Неожиданно его мысли оторвались от бассейна и снова вернулись к Баваклаве. Он вспомнил, как несколько лет назад гостил с бабушкой в деревне. Деревня называлась Кремена, и речка называлась Кремена.

Там была старая водяная мельница. Со скользкой, позеленевшей плотины хорошо ловилась рыба-уклейка. Хозяйкин кот Пузырь очень любил эту рыбу.

Однажды через деревню Кремену шли войска. Поднимая коричневое облако пыли, с лязгом и гуденьем двигались танки. От их тяжелого хода в буфете жалобно дребезжали стаканы. Он выбежал из дома. Танки шли совсем близко, от них тянуло жаром. Во рту стало сухо и горько: это он наглотался пыли.

За танками двигались бронетранспортеры с пехотой.

Мальчик не заметил, как из ворот вышла бабушка, встала рядом и тоже стала смотреть на проходящие войска. Бойцы были усталые, опаленные солнцем, покрытые пылью. Они как бы возвращались из боя.

- Баваклава, война началась? - тревожно спросил мальчик, не отрывая глаз от пылящих машин.

- Господь с тобой! Солдаты учатся, - ответила бабушка. - Возьми ведро и кружку, может, кто из них захочет напиться.

Мальчику понравилась бабушкина мысль. Он принес ведро воды и белую эмалированную кружку с черной щербинкой и вышел за ворота.

Иногда колонна ненадолго останавливалась. Тогда бойцы с удовольствием пили холодную колодезную воду и благодарили его. Он только успевал подавать белую кружку. Напоил целую армию!

Трамвай остановился.

- Эй, молодой человек, выходишь или нет? - послышался за спиной нетерпеливый голос.

И юного Шарова буквально вытолкнули из трамвая. Валил густой, удивительно тихий снег. Словно ему надлежало греметь, но кто-то выключил звук. Сквозь белую сеть метели юный Шаров увидел здание Дворца водного спорта. Оно было прозрачным и светилось. На ступенях дворца, засунув руки в карманы, его подждал Саня Ведерников. На нем был изрядно засаленный кожаный и спортивная шапочка с помпоном.

- Старик! Мы опаздываем! Прибавь ходу! Усек? - закричал Саня, нетерпеливо прыгая на месте. - Как пятки? Оттер?

- Я живот оттер, - признался юный Шаров.

- Жи-вот, - растягивая слово, произнес Саня Ведерников. - Побежали!

Они быстро поднялись по запорошенным ступеням дворца и скрылись за большой дверью.

Сперва их не хотели пускать без пропуска. Саня горячо доказывал, что он знакомый Бориса Ивановича. Но оказалось, что вахтер не знает никакого Бориса Ивановича. Ребят выручила уборщица.

- Они, наверно, к Боре Кулакову.

- К Бориске? - переспросил вахтер.

Саня, не задумываясь, подтвердил:

- К Бориске.

И их пустили.

Ребята сняли пальто в гардеробе и направились было в бассейн, но тут опять встретились препятствия. В раздевалке, через которую нужно было пройти, тоже требовали пропуск. И снова Саня горячо доказывал, что они к Борису Ивановичу, ну, к Борису Кулакову, к Бориске...

И тут в дверях показался сам тренер.

К удивлению юного Шарова, тренер оказался совсем молодым щуплым парнем.

- Мальчики? Пришли? Отлично!

Каждая фраза состояла из одного слова.

- Ждите!

- А нельзя ждать в бассейне? - спросил Саня. - Мы бы посмотрели.

- Нельзя! Привет! Ждите!

Борис Иванович ушел, оставив ребят в холле.

- Будем ждать! - сказал неунывающий Саня. - Он отзанимается с группой, потом весь бассейн будет наш.

- Зачем нам весь бассейн? - сказал юный Шаров. - Нам и половины хватит.

- Ты полотенце захватил? - строго спросил Саня.

- Нужно полотенце?

- Вытираться чем? Мы же плавать будем.

- А я думал, только к врачу... Помылся.

Саня Ведерников махнул рукой и сел на стул перед столиком, на котором лежали старые журналы. Он взял «Крокодил» и стал рассматривать картинки.

Юный Шаров садиться не стал. Походил по холлу, потом подошел к огромному окну. Сгущались сумерки. Валил снег. Стекол почти не было видно, и казалось, что снег, как дрессированный, летит до определенной черты и останавливается. И мир как бы поделен стеной на теплый и холодный, светлый и темный. На мир жизни и мир смерти.

Чай пила. Баранки ела.

Позабыла, с кем сидела.

Юный Шаров почему-то вспомнил эту прибаутку и произнес ее вслух, касаясь губами холодного стекла. Это была бабушкина прибаутка. Баваклава знала много разных стихов, частушек, прибауток, которые когда-то давно были в ходу. Юный Шаров относился к ним высокомерно, подсмеивался над ними, а заодно и над бабушкой, хранящей всякую ерунду. Но теперь эта прибаутка, всплывшая в памяти, не показалась ему такой уж ерундовой. Он повторил ее шепотом, и на сердце стало горько-горько...

Юному Шарову было двенадцать лет, но он был убежден, что прожил долгую жизнь и умудрен опытом. Иногда он улыбался своим мыслям. А когда его спрашивали: «Что ты улыбаешься?» - пожимал плечами: мол, где вам понять, чему я улыбаюсь.

С той поры, как он стал юным, что-то изменилось в нем. Он замкнулся, ко всему относился с усмешкой. Этаким бывалый человек, прошедший огонь и воду... Баваклава не знала, как к нему подступиться, - таким он стал важным.

- Баваклава, почему у тебя нет подруг? - В его вопросе звучал укор.

- Были у меня подруги, - отвечала бабушка. - Все умерли.

- Заводи новых!

На каждый случай у него был готов ответ.

- Друзья так просто не заводятся. С ними надо жизнь прожить.

- Ты и проживи с ними жизнь.

- Мало ее осталось, жизни.

- Почему?

Были все-таки на свете вещи, которые он не мог понять. Например, он радовался, когда брал, получал. И это было естественно. Баваклава же радовалась, когда отдавала. Хотя отдавать ей было особенно нечего. Сперва юный Шаров думал, что бабушка делает вид, что ей не жалко вещи, которую она отдавала другим. Потом - зашел в тупик. Он зашел в тупик и, чтобы выбраться из него, решил сам попробовать отдать. И, отправляясь на день рождения к Сане Ведерникову, взял с собой маленький охотничий ножик с костяной ручкой в кожаных ножнах. Этот ножик привез ему дядя из Австрийских Альп, где такие ножи у всех и каждого. Хотя нож был вроде бы и не совсем настоящий - не больше перочинного, - мальчик очень дорожил им.

Он пришел к Сане и протянул ему подарок:

- На вот, бери!

У Сани от радости перехватило дыхание, а уши запылали от удовольствия.

- Нож! Охотничий! Настоящий!

Он вынимал нож из ножен и вкладывал его обратно. Нюхал кожу.

Пробовал остроту лезвия. И, глядя на друга, юный Шаров вдруг почувствовал, что радость товарища передается ему. И у него тоже запылали уши...

В тот вечер что-то сдвинулось в сознании юного Шарова, перешло на другой путь и покатило, покатило... Он тогда не подумал о Баваклаве. И на пионерском сборе, рассказывая, как поил усталых солдат, возвращавшихся с трудных учений, забыл, что это бабушка посоветовала ему.

Только теперь, когда ее не стало, он с опозданием начал смутно догадываться, что Баваклава не только кормила, будила, обстирывала его, но и делала еще незаметную, очень важную для него работу. Это открытие удивило его. Потому что до сегодняшнего дня он считал Баваклаву темной и отсталой. Она не знала о «черных дырах» Вселенной - сверхплотных звездах, не знала о «королевских примулах» - цветах, распускающихся накануне землетрясения, не знала, почему «Крылышки» сильнее ЦСКА...

Когда Баваклава, разглядывая в его дневнике жирную двойку, спросила, почему он неверно ответил урок, он снисходительно улыбнулся:

- Коперника сожгли на костре за верный ответ!

И был чрезвычайно доволен своим хлестким ответом, обезоружившим бабушку. Он часто говорил: «Теперь так носят... Теперь так не говорят... Теперь такого нет...», всячески стараясь подчеркнуть, что он человек современный, а у нее, у Баваклавы, все в прошлом. Он был холодным и огорчал бабушку иногда умышленно, из-за какого-то необъяснимого злорадства. Знал, как сделать ей больно, и делал.

Порой бабушка, пытаясь смягчить его, вспоминала о времени, когда он еще не был юным.

- Помнишь, Ленечка, как ты говорил: «У этой тети в кармане тучка, а у этой облачко. Тучка - у плохой...»

- Угу, - безразлично буркал мальчик. Страничка из былой жизни не интересовала его.

- А помнишь, как ты в первый раз с отцом ходил в баню? Не хотел идти, боялся. А когда вернулся, сказал: «Ничего страшного. И пускают без трусов». Очень гордился, что побывал с отцом в бане.

Бабушка помнила о его детстве больше, чем он сам. А говорят, старость отбивает память. Он выслушивал бабушкины воспоминания со скупающим видом и восклицал:

- Преданья старины глубокой!

- А помнишь, как учила тебя есть яйца в мешочек? «Ударь яйцо по лбу ложкой. Аккуратно очисти. Посоли. Поддень ложкой, и яйцо посмотрит на тебя желтым глазом».

Юный Шаров вспомнил, как его удивило, когда из фарфоровой рюмочки на него глянул желтый зрачок, окруженный белком. Глаз был живой. Он видел маленького Шарова, как маленький Шаров видел его. Теперь же он пробурчал:

- Не помню!

Став юным, он относился к своему прошлому насмешливо, с презрением, словно не он был тем малышом, а совсем другой человек.

Тот, другой, не занимал его. А Баваклава любила и того и этого Шарова.

Теперь неожиданно бабушка показалась ему человеком важным и нужным, и он вздрогнул от мысли, что придется жить без нее. Его самоуверенность куда-то трусливо отступила, заползла в щелку, и ему показалось, что он очутился один в незнакомом месте. Куда идти?

Как выйти на дорогу?

Оказывается, единственным человеком, который по-настоящему понимал его, была старая, смешная Баваклава. Теперь ее нет. Ему захотелось закричать, но он задохнулся от своего отчаяния. Закрыв глаза руками, как делал в детстве, когда в кино показывали что-то страшное, и затаился.

...За стеклянной стеной шел снег. Сумрачной рекой катил он свои темные в белую крапинку волны, превращал улицу в русло, фонари

обернулись бакенами, предостерегающими суда от мелей, а люди, шагающие по тротуару, казались водолазами, едва различимыми сквозь мутную толщу.

Волны метели плескались рядом, беззвучно били в стеклянную стену. Что, если они выбьют стекла дома и воьются в комнату?

А может быть, они уже гуляют по родному дому и потому так холодно и горько на душе?

Он подошел к Сане, который читал «Крокодил», и сказал:

- Сань, я пойду.

- Да куда ты? Борис Иванович сейчас освободится. Поплаваем.

- Я пойду, Сань. Мне надо...

- Что тебе надо?

- Капли... для бабушки.

- Да брось ты! - Саня даже вскочил с места. - Подождет она свои капли.

- Нет! Она не может ждать! Не может!

Юный Шаров повернулся и быстро зашагал к выходу.

При нем никто никогда не умирал. Он не знал, как поступить в таком случае. И первое время жил как обычно. Включил телевизор, помчался во Дворец водного спорта. Только сейчас он почувствовал, что произошло что-то резкое, болезненное. Он постепенно начал понимать значение смерти.

Он защищался. «Она уснула... Она уснула, - сам себя убеждал юный Шаров. - Она не спала очень долго и отсыпается за всю жизнь. Бывает же, что человек спит год, а то и больше. Летаргический сон...»

Он не хотел допускать смерть к Баваклаве. Он обманывал себя - она уснула! – и в этом обмане слились отчаяние и любовь.

Он шел, как водолаз по дну моря, разгребая мутные массы снега.

Его обгоняли трамваи, и тогда он бежал, потом снова шел. Ветер дохнул вдруг в лицо хлоркой. И перед глазами мальчика на мгновение возникла заманчивая голубая гладь бассейна, послышались всплески воды. Они звали его, но юный Шаров решительно тряхнул головой: нет! - и огляделся: в серых хлопьях метели раскаленным докрасна железом пылало слово «Аптека». Это от нее пахло хлором.

Ему вдруг стало жалко бабушку, хотя жалеть ее уже было поздно.

Никто ее не тревожил, ничего у нее не болело, и глаза не нуждались в свежих глазных каплях. Ей было хорошо. Вернее, никак. Плохо было ему. Мальчику казалось, что он жалеет бабушку, на самом же деле он жалел себя, осиротевшего без Баваклавы.

Сам не понимая почему, он вошел в аптеку. Осмотрелся. Встал в очередь к окошку, где выдают лекарства. Снежные сугробики растаяли на шапке и на плечах. Лицо стало гореть. Юному Шарову вдруг показалось, что все смотрят на него вопросительно, отчужденно. Он повернулся и хотел было уйти, но провизор узнал его, окликнул:

- Что ж ты не берешь лекарство? Оно готово с утра.

Не зная, как объяснить провизору, что случилось с бабушкой, мальчик молча взял пузырек и зашагал прочь...

На улице здорово мело. Снег слепил глаза. И люди шли против ветра, наклоняясь вперед, натываясь друг на друга. Он зажал пузырек в кулаке, словно в нем была роса, которую по каплям собирают каждый день для тех, у кого болят глаза. Он запоздало выполнял свой маленький долг перед Баваклавой. Хотя долг его перед бабушкой был куда больше.

Он вспомнил, как очень давно упал и разбил коленку. Ревел тогда на весь двор. Думал, что сломал ногу, и ревел. Баваклава взяла его на руки большого шестилетнего мальчика - и понесла. Она несла его, а он ревел, хотя нога болела не так уж сильно. И ничего он не сломал.

Он ревел, а она его несла. Он был толстым, «жирный - поезд пассажирный», и бабушке было тяжело нести этот «поезд». Но она несла его в охапке, прижимая к себе.

Дома ей стало нехорошо. Она прилегла. А он занялся плюшевым мишкой и забыл про свою коленку.

- Не больно? - спросила с дивана бабушка.

Коленка перестала болеть, но он на всякий случай соврал:

- Больно!

Мерзким он был парнем в детстве, вспоминать тошно!

Потом ему надоел плюшевый медведь, он подошел к дивану.

Бабушка тяжело дышала, лицо ее было непривычно бледным.

Над верхней губой выступили бисеринки пота. Даже он заметил это.

- Ты что, Баваклава? - спросил он.

- Ничего... Вот вырастешь большой, понесешь меня в больницу, когда мне станет плохо?

- Понесу, - ответил маленький Шаров, а сам подумал: «Зачем носить, есть машины с красным крестом... для взрослых».

Сейчас он шел быстро, словно боялся опоздать к отходящему поезду. Снег воздвигал на его пути белую стену. И юный Шаров невольно вытягивал вперед руку, чтобы не наткнуться. Вдруг он придет на свою улицу, а там ни бабушки, ни дома - никого. Отошел поезд.

На углу, возле сквера, он наткнулся на родителей. Они шли рядом - папа держал маму под руку, - согнутые, облепленные снегом.

- Мама!

- Это ты? Где ты был? - Мама смахнула налипшие на ресницы снежинки и с удивлением посмотрела на сына.

- Ходил в аптеку.

- В аптеку? - удивился папа. - Зачем... в аптеку?

Родители грустно переглянулись.

Так они стояли в водовороте метели, словно сбились с пути и не знали, в какую сторону податься.

- Ну хорошо, - сказал отец, - иди домой. Мы скоро вернемся.

Возле дома юный Шаров встретил соседа. Бывший летчик гулял с непокрытой головой, и его белые волосы перемешивались с хлопьями снега.

- Юный Шаров, знаешь ли ты, что сегодня солнцеворот? - сказал сосед. День прибавился на одну минуту.

В хлопьях снега сосед был похож на древнего кудесника.
Мальчику было не до солнцеворота. Он ничего не ответил.
- Что-нибудь случилось? - вслед ему крикнул Иван Рахилло.
- Случилось! - ответил мальчик, и сердце его сжалось.

Он тихо отворил дверь и вошел в бабушкину комнату. Горел слабый свет. Бабушка лежала в постели с закрытыми глазами. Стараясь не наступать на скрипящие половицы, он подошел к овальному столику и поставил ненужный пузырек с каплями рядом с блюдечком, на котором лежала пипетка. Он осмотрел бабушкину комнату и неожиданно почувствовал, что комната сама по себе очень дорога ему. Помимо плюшевого дивана с зелеными кисточками, стола на витой ножке, в комнате стоял платяной шкаф, несколько венских стульев со спинками, изогнутыми, как трамвайная дуга.

Юный Шаров знал, что в верхнем ящике комода хранится обгорелый лоскуток боевого знамени. Его привез с войны дедушка. Он ворвался в охваченный пламенем блиндаж, где все были убиты прямым попаданием снаряда, и вынес горящее полковое знамя...

Когда мальчик принес в класс опаленную частичку знамени, ребята с замирающим сердцем разглядывали ее и завидовали Шарову.

Ведь это его дедушка спас знамя!

А Баваклава никакого знамени не спасала, но в годы войны она выходила своего маленького сына - будущего отца юного Шарова. По ладожскому льду, едва живого, вывезла его из осажденного Ленинграда, прикрывая собой от фашистских осколков и ледяного ветра.

В незнакомой Костромской области работала в колхозе, а после работы еще косила сено и меняла его на молоко. На кружку молока для сына! Про нее местные говорили: «Ты, Клавдия, хоть и городская, но двужильная!» А она не была двужильной, едва волочила распухшие ноги, но шла. Шла, как солдат идет в бой. Если б не эта кружка молока, сын бы не вытянул... Отец часто вспоминает корову Милку, которая поила его молоком в голодные военные годы. А юный Шаров пьет молоко не от коровы, а из магазина. Отрезает уголок картонной пирамидки ножницами и пьет сколько хочет...

Мальчик посмотрел на Баваклаву и подумал: «Как можно так долго не дышать! Не хотеть есть, ничего не видеть и не слышать!»

Лежать неподвижно? Он вдруг испугался этой неподвижности.

И тогда взгляд его упал на старые стенные часы. Две большие латунные гири лежали на полу, а маятник замер... Юному Шарову было настрого запрещено заводить часы, потому что однажды он сорвал гирю и из нее посыпалась дробь. Баваклава долго ползала по полу, собирала дробинки, а он помогал ей, но часть дробинок клал себе в карман...

Сейчас надо было разрушить эту неподвижность! Пусть хоть маятник движется, прищелкивает, шагает...

Он подошел к стене, взялся за колечко и потянул цепь. Гиря оторвалась от земли и, как полное ведро из колодца, тяжело поплыла вверх. Мальчик

перевел дух и поднял вторую гирию. Потом легонько подтолкнул маятник - и часы ожили, заходили, торопясь наверстать упущенное время.

Юный Шаров повернул голову. Бабушка спала. Не увидела, как он, вопреки запрету, завел часы. Не услышала хода часов. Спала...

Мальчику захотелось позвать ее: «Вставай! Опоздаешь!»

Куда опоздает Баваклава? Убирать за ним ботинки? Подогреть суп и котлету? Мыть посуду?

Часы вдруг захрипели, откашлялись и стали бить. Они били гулко и, как показалось юному Шарову, весело. Часы проснулись. Ожили.

А Баваклава спала...

И тут юный Шаров совершенно серьезно подумал, что жизнь в доме остановится, если бабушка не проснется. Остановится, как часы, у которых кончился завод.

Ему никогда и в голову не приходило, что можно жить без нее.

Она была чем-то насущным и вечным, как воздух, вода, хлеб. Она была тем вечным двигателем, который приводил в движение жизнь дома. Отец и мама целый день были на работе, юный Шаров - в школе. А дом жил: в нем варился обед, стиралось белье, выметался мусор, гладились брюки, чтобы не было пузырей на коленках. Делалось множество больших и малых дел. И все это руками бабушки.

Сердце Баваклавы не только разгоняло кровь по старым жилам, но и обогревало дом, делало его живым.

Он наклонился над бабушкой и заглянул ей в лицо. Бабушкино лицо было такое же, как всегда. Приветливое. Спокойное. Виноватое.

Виноватое? Может быть, бабушка чувствует себя виноватой, что лежит сложа руки и не может накормить внука, постирать ему белую рубашку и к торжественной линейке погладить красный галстук?

«Не может, - подумал внук, - и никогда не сможет. Никогда».

Никогда. Это обычное слово вдруг налилось свинцовой тяжестью, стало жестким, ледяным. И чем больше мальчик думал о нем, тем страшнее становилось это слово... Можно подождать день, неделю, год... Несколько лет можно подождать. А если ждать всю жизнь и не дожидаться?! Может быть, совсем не ждать? Не ждать, что завтра утром бабушкины руки будут осторожно трясти его за плечи... Кто же поднимет его, если не будет этих рук? Никто, и он будет спать вечно... как Баваклава сейчас?

Когда Шаров не был еще юным, а был первоклассником - он теперь с усмешкой вспоминал это время, - то начал впервые ставить числа в тетради. Он писал: 1 ноября, 2 ноября, 3 ноября. Так дошел до двадцатого, до тридцатого. И пошел дальше: 31, 32, 33, 34...

Учительница заметила, остановила его. Сказала:

- Таких чисел не бывает. В ноябре только тридцать дней.

Он очень огорчился. Ему нравилось писать числа все дальше и дальше.

Придя домой, спросил бабушку:

- Почему не бывает тридцать четвертое ноября?

- В ноябре тридцать дней, - ответила бабушка, - в декабре будет тридцать один.

- А когда будет тридцать четыре?

- Никогда.

Так он впервые услышал слово «никогда». Он не понял его и про себя подумал: «Когда-нибудь будет... тридцать четвертое».

Теперь в бабушкиной комнате он снова задумался над трудным значением слова «никогда». Слово наваливалось на мальчика всей своей тяжестью и сливалось с другим таким же трудным словом «бесконечность».

«Все имеет начало и конец, - рассуждал юный Шаров, - а как же небо? Должен быть у неба конец? Наверное, высокий, темный купол, усеянный звездами, и есть конец неба? А что же за этим куполом? Еще один купол, побольше?..»

Так он создал модель Вселенной. Она напоминала деревянных матрешек: маленькая вставлялась в большую. Сколько же во Вселенной таких «матрешек»? Сто? Тысяча? Миллион? Но ведь должна же быть где-то последняя «матрешка»? А что за последней? Лоб покрылся испариной. Голова гудела. Юный Шаров никак не мог постичь своим умом бесконечность.

Потом он узнал о «черных дырах» Вселенной. Эти «дыры», как водовороты, засасывают пролетающие метеориты и лучи соседних звезд. А один ученый сделал предположение, что «черные дыры» - коридоры, ведущие в антимир. «Мир наоборот». Там время движется назад. И если у нас люди стареют, то в «мирах наоборот» старые становятся молодыми, потом превращаются в детей, потом... Если бы бабушка побывала в таком мире и вернулась бы помолодевшей!..

Так рассуждал юный Шаров, борясь со страшным «никогда». Он закрывал глаза. Тер ладонью лоб. Пыхтел, будто поднимал тяжесть.

Потом его взгляд упал на пузырек с глазными каплями, и он неожиданно заплакал.

Всю жизнь он обвинял других: родителей, учителей, товарищей...

Но больше всех доставалось Баваклаве. Прикрикивал на нее, грубил.

Надувался, ходил недовольным. Сегодня он впервые взглянул на себя со стороны, другими глазами. Какой он, оказывается, черствый, грубый, невнимательный. Опаздывал, а то и вовсе не заходил в аптеку.

Вот и сегодня принес свежие капли с опозданием.

Зазвонил телефон. Юный Шаров вздрогнул. Морщась, как от боли, нехотя побрел к телефону. Трубка показалась ему непривычно тяжелой.

- Я слушаю.

- Клавдию Ивановну можно?

Этот голос, бодрый и веселый, донесся из другого мира, где никто не умер, где все в порядке. У мальчика не хватило сил сказать то, что есть. Он мучительно думал, как избежать налитого болью слова «умерла».

- Что ты молчишь? - слышалось в трубке.

- Ее нет, - выдавил из себя юный Шаров.

- А когда будет?
- Никогда...
- Ты невежа, - слышалось в трубке, и сразу - би-би-би...

Веселый, благополучный мир отключился, умчался вдаль, весело бибикая.

«Она умрет, когда ее забудут, но пока хоть одно сердце помнит ее, она жива», - неожиданно подумал мальчик. Эти слова сами всплыли в памяти. Память бросила их ему, как спасательный круг. Она жива!

Ее жизнь зависит от него, от его сердца.

Он должен жить не только для того, чтобы ходить в школу, гонять на коньках, смотреть по «телеку» хоккей. Он должен жить, чтобы не пропустить самого главного - заводить часы в бабушкиной комнате и хранить лоскуток полкового знамени. Он должен жить, чтобы нести людям то, чему его незаметно научила Баваклава.

Жить для людей.

Лариса Рубальская

В предчувствии снега сады задремали
Под вялыми листьями.
В предчувствии снега луч солнца прощальный
Блеснул и погас.
А мы с опозданием с тобой открывали
Забывшие истины,
Как будто не знали, что все эти тайны
Открыты до нас.

В предчувствии грусти наш путь через полночь
Туманами выстелен.
В предчувствии грусти все точки расставить
Давно бы пора.
И, может, напрасно зовём мы на помощь
Забывшие истины,
Ведь нет у любви ни законов, ни правил,
Любовь не игра.

А может, не стоит нам думать о снеге
За зимами быстрыми.
Горячее солнце вновь землю согреет,
Пройдет без следа.
А может, не стоит нам думать о грусти,
Мы поняли истину.
Чтоб солнца дождаться, нам надо с тобою
Прожить холода.

Творческое задание

В 1992 году был создан журнал «Новое литературное обозрение». Этот журнал с любопытной аббревиатурой «НЛО» стал первым независимым гуманитарным периодическим изданием на постсоветском пространстве.

В редколлегию «НЛО» входят самые известные российские и западные специалисты по гуманитарным наукам. Материалы, опубликованные в «НЛО» входят в программу обязательной подготовки студентов гуманитарных факультетов российских вузов.

«Новое литературное обозрение» – это один из немногих российских гуманитарных журналов, публикации в котором учитываются, например, ведущими американскими университетами при найме на работу или присуждении звания профессора.

В этом журнале есть специальная рубрика, которая называется «Хроника современной литературы». В ней – интересные обзоры современных книг, литературных произведений, авторов.

Представьте, что у вас есть возможность предложить одному из авторов журнала пять книг для литературного обзора. Автор планирует, во-первых, прочесть те книги, которые вы ему предложите, во-вторых, - использовать их для своей будущей обзорной статьи по современной литературе.

Задание. Составьте список из пяти современных книг, которые вы предложили бы для литературного обзора. К каждой книге продумайте и напишите аннотацию так, чтобы автору обзора захотелось прочитать именно эту книгу. Книги, которые вы предлагаете, вполне могут быть разными и по жанру, и по тематике. Они могут принадлежать одному или нескольким авторам. Выбор за вами!